

„Обозъ нашъ грабитъ народъ,—писалъ Ростопчинъ:—извольте мнѣ сказать, твердое ли вы намѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему я приму все мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что есть военного, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами передъ Москвой или одинъ въ Москвѣ“. Кутузовъ, прямо говорившій, что надо „или спасти армію, или спасти Москву“, требуя отъ московскаго главнокомандующаго провіанта и фуража, отнесся лишь снисходительно къ великодушному, но непрактичному намѣренію Ростопчина итти къ нему на помощь съ московскимъ сбродомъ и вовсе не отвѣтилъ о своихъ намѣреніяхъ касательно Москвы.

„Если непріятель и займетъ Москву, то расплывется въ ней, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу“ — вѣрно говорилъ Кутузовъ, но Ростопчинъ былъ прямо обманутъ Кутузовымъ, клявшимся своими сѣдинами, что „скорѣе умретъ, чѣмъ сдастъ Москву“. Застигнутый врасплохъ, Ростопчинъ въ противность прежнимъ увѣреніямъ и похвальбамъ, успѣлъ только раздать народу старое оружіе изъ арсенала, лишь бы оно не досталось непріятелю, да распорядиться выливаніемъ на улицы водки изъ бочекъ и выѣздомъ изъ Москвы близкихъ лицъ и своей собственной персоны.

„Господинъ епископъ,—писалъ Наполеонъ епископу Меца:—переходъ черезъ Нѣманъ, Двину и Днѣпръ, битвы подъ Могилевымъ, Дриссою, Полоцкомъ, Смоленскомъ и наконецъ подъ Москвою достойны того, чтобы за нихъ возблагодарить Бога силъ. Мы желаемъ, чтобы, по полученіи сего, вы условились о надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Созовите народъ мой въ храмы и воспойте хвалу Всевышнему, сообразно съ правилами церкви на подобные случаи“.

„Данъ въ нашей Императорской квартирѣ, въ Можайскѣ, 10-го сентября (28-го августа) 1812 г.“

Около девяти часовъ вечера Наполеонъ призвалъ графа Дарю и Дюма. Бивуакъ послѣ Бородинскаго боя былъ раскинутъ среди гвардейскаго корпуса. „Онъ только-что поужиналъ, — рассказываетъ Дюма:—сидѣлъ одинъ и посадилъ насъ одного по правую, другого по лѣвую сторону отъ себя; разспросивши о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для оказанія помощи раненымъ, онъ сталъ говорить намъ объ исходѣ битвы; потомъ тутъ же, сидя, вздремнулъ минутъ пять и затѣмъ снова сталъ пояснять: „Вѣроятно, удивятся, что я не отдалъ мои резервы для полученія болѣе рѣшительнаго результата, но мнѣ нужно было беречь ихъ для послѣдняго удара, который придется еще нанести передъ вступленіемъ въ Москву: успѣхъ дня настолько обозначился, что оставалось позаботиться о такомъ же успѣхѣ всей кампаніи—вотъ почему я не далъ гвардіи“.

Въ эту ночь Наполеонъ снова принялся за кабинетныя занятія, прерванныя уже въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней. Но оказался у Наполеона такой упадокъ голоса, что онъ не могъ ни диктовать, ни говорить. Пришлось ему писать на лоскуткахъ бумаги. Секретари и все изъ штаба, кто только могъ, помогали наскоро переписывать ихъ. Графъ Дарю и князь Невшатель-

скій (Бертье) тоже трудились, но надъ каждой строчкой приходилось сидѣть, чтобы разобрать каракули Наполеона, который писалъ по приказу каждую минуту и молоточкомъ постукивалъ по столу, подавая знакъ, чтобы принимали бумаги. Цѣлые 12 часовъ прошли въ этой работѣ—только и слышенъ было скрипъ пера Наполеона да стукъ его молоточка по столу.

